

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ / TEACHING METHOD

УДК 94(47+57)1819/1918

Дата поступления (Submitted) 27.09.2019

Дата принятия к печати (Accepted) 11.10.2019

EUGENII ANATOLIEVICH ROSTOVTSSEV

*Doctor of History, Associate Professor, Professor
Institute of History, Saint Petersburg State University
Leading researcher of the Faculty of historical and political Sciences
Tomsk state University.
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, University Emb., 7–9.
E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru*

ILIA VICTOROVICH SIDORCHUK

*Ph.D. in History, Associate Professor, Faculty of liberal arts and Sciences
Institute of History, Saint Petersburg State University
Senior researcher of the Faculty of historical and political Sciences,
Tomsk state University.
199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, University Emb., 7–9.
E-mail: i.sidorchuk@spbu.ru*

«Nothing earthly exists without the heavenly»: to the history of teaching theology at St. Petersburg University

The research focuses on the main features of teaching theology at St. Petersburg/Petrograd University in the pre-revolutionary period, when it was a compulsory course for all students. The authors tried to identify the main ideas broadcasted by theology professors, their connection with the socio-political and cultural development of Russian society. The main sources of writing the article were the speeches of teachers of theology and the materials of their lectures. The authors concluded that there were two periods in the history of teaching theology at St. Petersburg/Petrograd University. If the pre-reform era was characterized by the dominance of propaganda of the principle of the importance of subordination to Imperial power in lectures and speeches, after 1860's was a reorientation to the propaganda of enlightenment. In fact, University theology turned to ideals that served as a guide for the entire liberal professorship, primarily the sacralisation of scientific knowledge as a way to achieve the "common good". Discourses, broadcasted in sermons and lectures from pulpit turned out to be part of the struggle for culture and popular education, which was led by the university corporation in the pre-revolutionary period. These conclusions can be relevant in the context of modern intensive discussions about the introduction of theology in the system of higher secular education.

Keywords: *University history, theology, St. Petersburg University, history of higher education, student movement, science and faith, church and power.*

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РОСТОВЦЕВ

*Доктор исторических наук, доцент, профессор
Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
ведущий научный сотрудник факультета исторических и политических наук
Томского государственного университета.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9.
E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru*

ИЛЬЯ ВИКТОРОВИЧ СИДОРЧУК

*Кандидат исторических наук, доцент,
доцент факультета свободных искусств и наук
Санкт-Петербургского государственного университета,
старший научный сотрудник факультета исторических и политических наук
Томского государственного университета.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9.
E-mail: i.sidorchuk@spbu.ru*

В центре внимания исследования находятся основные особенности преподавания богословия в Петербургском/Петроградском университете в дореволюционный период, когда оно являлось обязательным курсом для всех студентов. В статье выявлены основные идеи, транслировавшиеся его преподавателями, их связь с социально-политическим и культурным развитием российского общества. В качестве основного источника были использованы речи преподавателей богословия и материалы их лекций. Авторы пришли к выводу, что в истории преподавания богословия в Петербургском / Петроградском университете можно выделить два периода. Если для дореформенной эпохи было характерно доминирование в лекциях и речах охранительного начала, то затем произошла переориентация на просветительское. Фактически со временем университетское богословие обратилось к идеалам, служившим ориентиром для всей либеральной столичной профессуры, в первую очередь сакрализации научного знания как способа достижения «общего блага». Дискурсы, транслировавшиеся в проповедях и лекциях с университетской кафедры, оказывались частью той борьбы за культуру и народное просвещение, которую вела университетская корпорация в дореволюционный период. Данные выводы могут быть актуальны в контексте современных оживленных дискуссий о введении богословия в систему высшего светского образования.

Ключевые слова: университетская история, богословие, Петербургский университет, история высшей школы, студенческое движение, наука и вера, церковь и власть.

«Ничто земное не существует без небесного»: к истории преподавания богословия в Петербургском университете*

В современной России вопрос введения богословия в систему высшего светского образования возникает с завидной регулярностью. Активно эту идею поддерживает РПЦ, теология была включена в перечень специальностей, по которым проводится защита на степени кандидата и доктора наук. Данные идеи вызывают непонимание и отторжение значительной части ученого сообщества. В связи с этим актуальным представляется обращение к опыту предреволюционной эпохи, когда курс богословия был обязательным для студентов российских университетов. Настоящая статья призвана рассмотреть основные особенности преподавания богословия в столичном Петербургском университете, выявить основные идеи, транслировавшиеся его преподавателями, их связь с внутриуниверситетскими событиями, социально-политическим и культурным развитием российского общества. В качестве основного источника нами использованы речи преподавателей богословия, прочитанные как в период служения в Петербургском университете, так и других местах.

В 1816 г., когда университет еще являлся Главным Педагогическим институтом, в нем была создана кафедра богословия, а все воспитанники должны были обучаться закону божьему. Законоучителем в статусе профессора стал протоиерей Симеон Платонов, священник Владимирской церкви. Кафедру он оставил в год «второго рождения» университета в 1819 г. [1, с. 60]. Начиная с этого момента, богословие было обязательным курсом для студентов, курс обычно читался 2 часа в неделю. Всего вплоть до 1917 г. его последовательно вело восемь человек: Герасим Петрович Павский (1819–1827), Василий Борисович Бажанов (1826–1837), Андрей Иванович Райковский (1836–1856), Иоанн Леонтьевич Янышев (1856–1858), Василий Петрович Полисадов (1858–

1871), Федор Федорович Сидонский (1871–1873), Василий Гаврилович Рождественский (1875–1915) и Александр Васильевич Смирнов (1915–1918). Степень их компетентности, преподавательского мастерства и лояльности к ним студентов, судя по воспоминаниям современников, были различными. Для значительной части общества, в силу своего статуса и роли церкви как союзника монархии, профессора богословия а priori представлялись сторонниками и апологетами самодержавия. В связи с этим в условиях перманентных конфликтов власти с профессурой и роста активности студенческого движения они рисковали оказаться аутсайдерами, чьи речи не находили бы отклика среди слушателей и коллег. Эти обстоятельства предъявляли к ним повышенные требования – не просто знать свой предмет, но и уметь адаптировать его под актуальные вопросы, выражать точку зрения по волновавшим общество проблемам.

Анализ трудов и речей преподавателей богословия Санкт-Петербургского университета позволяет выявить наиболее важные темы, рассмотрению которых они посвящали свой писательский и ораторский талант. Выступая в роли представителей института, поддерживающего идеологические основы самодержавия, преподаватели богословия транслировали юношеству мысль о ключевой роли монархии в успехе и процветании Империи и о преданности монарху как долге каждого сына отечества. Эта установка ярко проявляется в преподавании уже первого из наших героев, Г.П. Павского. В 1821 г. в статье «Религия и политика» он утверждал, что религия является необходимой составляющей любого государства и власти, ведь «государство есть тело, а религия душа» [2, с. 83]. Без религии правители лишатся страха перед богом, а люди – перед правителем, поэтому религия

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (шифр проекта 18-18-00121 «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII в. – начало XX в.)»).

держит в узде человеческие страсти, и государство безбожников невозможно: «Токмо страх высших существ, и страх могущества, которое может наказывать и награждать, содержит в узде необузданные человеческие страсти и похоти; и если бы так называемые философы стали утверждать, что может существовать государство, составленное из безбожников: то это была бы мысль блестящая, а не основательная» [2, с. 82]. Религия – это не только «подпора престолов», но и «узел, связующий каждое общество» [2, с. 81]. Г.П. Павский также говорил о важности роли религии в развитии науки, в частности, что «всякая наука без религии есть отрывок, а не целое. Ибо ничто земное не существует без небесного. Во всем временном, случайном светится вечное, безусловное» [3, с. 49].

В 1820–1830-е гг. новым, чуждым православию теориям и идеалам симпатизировало значительное число мыслящих молодых людей, что потребовало от преподавателей богословия обратиться к их развенчанию. Именно эта цель стала основной для В.Б. Бажанова, возглавлявшего кафедру в начале правления Николая I. В декабре 1827 г. в речи к воспитанникам Санкт-Петербургского Высшего Училища (с 1830 г. – 2-я Санкт-Петербургская гимназия), окончившим курс обучения, он подчеркивал благодетельность к ним монарха: «Еще вы не трудились для блага Отечества, еще не оказали никаких заслуг ему; но Отец Отечества, приемля одну способность и готовность вашу к заслугам, уже награждает вас и отличает» [4, с. 201].

Каждый выпускник должен был задуматься над тем, какие обеты он должен «совершить в сердце своем пред Отцом Отечества». После этого он предостерегал молодых людей от увлечения вольнодумством, жертвами которого они могут пасть в силу неопытности: «Но вы теперь вступаете в свет, где порок, недоступный и отвратительный по своему собственному наименованию, является нередко под ложными – мягкими и приятными именами; где буйное вольнодумство называется иногда высокой мудростью, лицемерие и лукавство – благоразумием, грубое распутство – законным наслаждением жизнью, которого будто требует природа, – где представляются вам разнообразные роды суетности, различные правила деятельности, часто нелепые сами по себе, но привлекательные по своей новости, и по числу своих последователей. Все сии разнообразные явления на позорище мира сего, привлекая внимание неопытных, могут совратить – и весьма часто совращают их с царского пути добродетели на распутья страстей и пороков, где они, идя по цветам, неприметно ввергаются в пропасти – гибнут сами и погубляют других» [4, с. 202–203]. Таким образом, служение родине, являясь долгом каждого, связывалось со служением непосредственно монарху. Эта мысль звучала и в его речи, адресованной студентам столичного университета и воспитанникам благородного пансиона: «Отец Отечества, доставляя вам все средства к истинному просвещению, и открывая пути к общепользительной деятельности, надеется иметь в

вас впоследствии добрых сынов, способных оказать Отечеству великие услуги, и готовых жертвовать ему всеми силами и самою даже жизнью: стараетесь ли вы о том, чтобы некогда вполне соответствовать сим ожиданиям Его» [4, с. 230–231]. Нравственность отождествлялась с преданностью Николаю I, в чем можно усмотреть реакцию на движение декабристов, повторения которого правящий режим явно не хотел.

В.Б. Бажанов последовательно сохранял выбранный стиль обращения к юношеству. Так, в своей речи, произнесенной в ноябре 1835 г. при освящении храма в Императорском училище правоведения, он повторил все те же слова о преданности монарху, божьему помазаннику: «Не суждено недалновидному человеческому оку далеко прозирать в будущее и читать в нем судьбу свою; но, взирая на непрестанное распространение в тебе общепользительных учреждений, на то благодетельное, святое направление, которое дает тебе благочестивый Монарх твой, на то драгоценное сокровище, которое готовится и хранится для тебя в Царственном Доме, незаметно предаешься сладким гаданиям о будущем твоём величии, и переносишься мыслию и сердцем к тому времени, когда все народы, утомившись от тщетных своих лжемудрований и познавши суету всякой земной мудрости, неознаменованной печатю неба, будут поучаться от тебя, и, указывая на могущество твое, с полным убеждением звать друг к другу: *Тако благословляется Россия, боящаяся Бога и свято хранящая Веру и законы отцов Своих!* – Возвыси убо свою главу в живом чувстве радования, и приклони ее в глубоком, благоговейном чувстве благодарности пред Всевышним, тако устрояющим судьбу твою, тако благодееющим тебе чрез возлюбленного своего Помазанника!» [4, с. 271–272].

А.И. Райковский, являвшийся профессором богословия в университете в течение 20 лет, к сожалению, не оставил после себя богатого литературного наследия. Его фигура часто воспринимается символом полицейского режима Николая I, не допускавшего отклонений от строгих устоявшихся правил и концепций. Не пользовался он авторитетом и среди студенчества [1, с. 68–69]. Он требовал беспрекословного принятия авторитета богословия и православных канонов, ведь «в круге наук, особенно благотворных и необходимых для истинного просвещения христианина, православное богословие, по всей справедливости, занимает первое место как а) по началам его, так б) и по его предметам, с) пользе и d) целям» [5, с. 23]. Оно важнее любого научного знания, ведь «православное богословие заимствует свое спасительное учение не от скудных источников земной стихийной мудрости человеческой, но из небесного источника божественного откровения, слова божия писанного и устного преданного и учения православной-католической церкви» [5, с. 23].

Отдаление от церкви, от истинной веры грозило обращению к ложным, опасным теориям. И.Л. Янышев, возглавлявший кафедру богословия в Петербургском университете с 1856 по 1858 г., в своей речи перед молебном по случаю второй годовщины Обще-

ства вспомоществования недостаточным студентам Петроградской духовной академии в мае 1879 г. заявил, что священнослужители служат «высшим интересам Церкви и отечества». Это особенно важно в связи с тем, что увеличиваются опасности «от разных тлетворных веяний, а вследствие того и другого усложняются жизненные задачи, требующие для своего разрешения соединенных усилий всех лучших сил страны» [6, с. 328–329]. Обращает на себя внимание, что богословы не опускались до критики молодежи, а поступали более обдуманно, выражая уверенность в ее верности религии и монархии, автоматически представляя альтернативную позицию девиацией. В речи 1883 г. в церкви Петербургской духовной академии он заявил следующее: «Во все эти годы я не испытал ни одной минуты серьезного опасения за вас, господа студенты, и на случайные, ко мне обращенные вопросы: “как ведут себя ваши студенты”, с полной верой в вас всегда отвечал: наши студенты достаточно озабочены своими, для ума и сердца очень не легкими лекциями и письменными трудами и достаточно зрелы для того, чтобы по достоинству ценить скороспелые утопии дерзких и праздных мечтателей» [6, с. 332].

Пореформенная эпоха стала во многом новым этапом в истории высшей школы. Произошло существенное изменение социального состава студенчества, широкое распространение получили различные радикальные и революционные идеи, включая мировоззрения, отрицавшие религию. В.П. Полисадов, читавший курс богословия в университете в 1860-е гг., понимал, что его основной целью является апологетика христианства и опровержение распространившихся среди молодежи материализма и рационализма: «Вы уже развиты достаточно, если не сказать вполне; а потому и богословская наука должна быть для вас не млеком, но твердой пищей – истинной собственной, научной. Не скроешь от себя и того, что обращаясь в мире и встречаясь с людьми всяких мнений, вы можете впадать в сомнения, даже приходите к отрицанию богооткровенных истин. Посему на кафедре университетской, кроме положительного изложения богооткровенных истин, должен профессор бороться с возражениями. Все это показывает необходимость и нужду метода апологетического, который при неуклонной верности истин богооткровенной допускает здравое любопытство и вообще объясняет истину положительную из всех законных источников ведения человеческого» [7, с. 2–3]. В связи с этим вопросы преданности монархии и верноподданничества перестали педальроваться столь сильно, как его предшественниками. За студентами он признавал полное право на критическое мышление, вопросы и поиски: «Вы требуете анализа веры. Настоящая эпоха есть эпоха вопросов: как? и почему?» [7, с. 5]. При этом ум, однажды встав на точку сомнения, может покатиться вниз, «пока не дойдет до нигилизма» [7, с. 6].

Во второй половине XIX в., если судить по дошедшим до нас речам и работам, тема преданности монарху явно отодвигается на второй план, хотя и

не исчезает вовсе. Представляется, что применительно к Петербургскому университету это было связано с необходимостью бороться с наступлением материализма и атеизма, за сохранение основ православного мировоззрения юных слушателей. Впрочем, решения монарха, влияющие на жизнь высшей школы, продолжали достаиваться освещению и предсказуемой поддержке. Это было в полной мере характерно для В.Г. Рождественского, возглавлявшего кафедру более 40 лет и параллельно являвшегося священником университетской церкви. Если некоторых его коллег и предшественников обвиняли в сухости, педантизме и несоответствии уровню университетского профессора, то к В.Г. Рождественскому это никак не относилось. Несмотря на это, он также мог ассоциироваться с ретрансляцией консервативных охранительных начал, что в тогдашних условиях болезненно воспринималось как либеральными коллегами, так и студенчеством. Юношеству он говорил о том, что они являются будущими слугами царя, спасителя и благодетеля своих подданных: «Общество наше твердо надеется, и без сомнения, не обманется в своих надеждах, что оно найдет в вас, будущих слугах царя и отечества – честных, энергичных деятелей, проникнутых искренним желанием послужить всеми силами своего просвещенного ума и воли общему благу: что все великое и доброе, посеянное на ниве нашей народной, государственной жизни щедрой рукой державного помазанника божия и давшее уже прекрасные всходы, будет с любовью вами поддержано, развито далее и более, согласно предначертаниям его державной воли, к славе и благоденствию нашего любезного отечества» [8, с. 197].

В период студенческих возмущений 1902 г. В.Г. Рождественский продемонстрировал полную готовность ретранслировать призывы императора, требовавшего от профессуры внимания к духовному миру вверенной им молодежи. В традиционной речи перед началом учебного года он объявил коллегам, что перед ними стоит трудная задача – «объединить духовно, нравственно всю эту массу молодых, кипучих сил, одушевить ее горячею, искреннею любовью к свету науки, знания, направить каждого на соответствующую его силам работу», что «возможно, по истине, только при особой божественной помощи». В его представлении это являлось непосредственной волей самодержца, которую он выразил в рескрипте от 10-го июня на имя управляющего министерством народного просвещения: «И без всякого сомнения, приснопамятные слова этого рескрипта, обращенные именно к профессорам университетов, – слова: “после печального опыта минувших лет Я ожидаю от учебной администрации и профессоров сердечного и предусмотрительного участия к духовному миру вверенной их попечениям молодежи” – никем из нас никогда не забудутся при исполнении своего служебного долга» [9, стлб. 1158–1159].

В обращении к студентам он счел должным повторить слова императора, пожелавшего верить в успокоение молодежи после летнего отдыха и призавшего ее «под сень труда и законности»: «Да,

труд, труд самый настойчивый и усидчивый – первое и главное, что требуется от вас для вашего же собственного блага, в целях успешнейшего прохождения университетского курса. И труд этих не будет особенно тягостен для вас, если только он будет совершаться именно под сенью законности, т. е. под сенью душевного мира или спокойствия, при строгом соблюдении всего, что только требуется внутренними порядками университетской жизни, вашими вообще священными обязательствами по отношению к университету, честь и слава которого должны быть оберегаемы вами со всею ревностью, как ваша собственная личная честь и слава» [9, стлб. 1159].

Гораздо больше внимания университетские богословы пореформенного периода уделяли роли религии и веры в существовании и развитии науки. Акцент на борьбе с различного рода «лжеучениями» в эту эпоху был характерен не только для столичных профессоров богословия, но и для их коллег из других университетов. В частности, он неизменно встречался в адресованных студентам речах московского коллеги В.Г. Рождественского, профессора кафедры богословия Московского университета Н.А. Сергиевского. В речи перед началом академического года в 1862 г. он заявил о невозможности существования науки без религии: «И вот мы сами свидетели восстания на науку, которая думала в одной себе воплотить всю истину, отрицая ее высшее выражение – в нравственно-религиозной жизни. Отрицание религии повлекло за собой и отрицание науки» [10, с. 79].

Спустя 2 года, в речи, сказанной по тому же поводу, он отметил, что «быть же не может, чтобы истинная Вера и истинное знание были враждебны друг другу, когда в творческом совете они предназначены к согласному и живому единству» [11, с. 266]. Отсюда следовало, что «голословное отрицание или легкомысленное глумление или практическое небрежение в отношении к Вере не достойны имени труда мыслительного» [11, с. 268]. Иллюзии всезнания оказывались еще страшнее тьмы неведения – вот та опасность, которой должны сторониться юноши: «Наше дело есть дело учения, дело света и жизни, благое и богоугодное дело, но вместе с тем, самое трудное дело среди тьмы неведения, предрассудков полужнания, еще же и мнимого всезнания, обманчивые огни которого не светят, а только отсвечивают и тем самым тьму делают еще темнее, еще неудобопроходимее» [12, с. 450].

Речи В.Г. Рождественского также были главным образом обращены к теме взаимоотношения науки и религии. Их разделение, так же как и отделение высшей школы от церкви, он находил неприемлемым – мысль, постоянно озвучиваемая в его проповедях. Вера и церковь, по его мнению, исторически являлись причинами развития науки: «Откуда, в самом деле, – спросим проповедников подобных рассуждений, – ведут свое начало все наши школы с их наукою и просвещением: не из церкви ли? Кем вспоена и вскормлена наука в юных летах своих: не церковь ли? Не церковь ли с светом евангелия

шла всегда вперед науки, заставляя грубые и полудикие народы переменять меч на книгу, занятие войнами и грабежом на мирное занятие наукой и просвещением, – будила их своею проповедью от умственного и нравственного усыпления, устремляла их взор от обыденных, вещественных потребностей и забот к высшим, духовным идеалам и интересам? Не в книгохранилищах ли церковных, по большей части, соблюдены образованному миру от гибели разнообразные, драгоценные памятники древней науки и искусства? Не заменяла ли долгое время и в нашем отечестве, и у других христианских народов, теперешний типографский список по преимуществу трудолюбивая рука иноков, сменявших подвиг молитвы подвигом дела книжного?» [13, с. 4].

В.Г. Рождественского ни в коем случае нельзя называть противником науки. Наоборот, в ней он видел возможность сделать жизнь подданных царя лучше, решать новые задачи, но она не может развиваться без нравственной почвы. Разрыв связь науки с верой и церковью будет означать лишение ее «самого лучшего друга, никем и ничем незаменимого союзника, совершающего с помощью своих религиозно-благодатных средств именно то нравственное дело в мире и человечестве, для которого в распоряжении науки нет достаточно сильных средств, и без которого, между тем, ее жизнь и развитие совершенно невозможны» [13, с. 3–4]. Государство нуждается в просвещенных людях, и церковь как духовная опора государства – первая заступница просвещения, а университет, в свою очередь, уподобляется храму, только храму науки. Таким образом, слова В.Г. Рождественского связывались с представлениями об университете в «гумбольдтовской» интерпретации, которую в России разделяли Н.И. Пирогов, Д.И. Менделеев и многие другие ведущие ученые.

Важную угрозу для страны В.Г. Рождественский видел в росте непонимания между интеллигенцией, увлеченной различными «лжеучениями», и народом, сохраняющим православную веру. На это он, в частности, обратил внимание в речи, сказанной в университетской церкви 7 апреля 1900 г. Особенно его беспокоили измышления, усердно распространяемые в школе «разными непризванными просветителями общества и народа» [14, стлб. 405].

Среди университетского сообщества начала XX в. звучали мысли о неактуальности преподавания богословия в университете и достаточности лишь гимназического курса Закона Божия. Подробно свои аргументы он изложил в период возобновления дискуссий на эту тему 1905 г. в записке о желательной постановке преподавания богословия в университете. Университетское образование, по его мнению, не та область, на которую можно смотреть «с чисто практической, утилитарной точки зрения»: «Было бы очень жаль, если бы университетское образование когда-либо приняло у нас такой узкопрактический, профессиональный характер; это было бы уклонением наших университетов от своих важнейших культурных задач, ниспадением их с той высоты, стоя на которой они у нас, в России, как и в других

странах были главнейшими светочами просвещения, руководителями общества на пути прогресса, развития во всех областях жизни» [15, с. 40]. Общее или основное богословие он видел наиболее желаемыми к преподаванию в университете как в наибольшей степени отвечающим потребностям университетских слушателей. Значение богословия в университете он видел в следующем: «Вместе с другими науками университетского курса, в союзе особенно с философией и историческими науками, чтения по Богословию должны иметь целью содействовать *полноте и законченности* высшего образования, даваемого Университетами своим питомцам» [15, с. 41]. Профессора богословия должны давать то знание, которое сможет «помочь любознательному юноше выработать ясное и всестороннее мировоззрение, которое бы делало его способным отнестись самостоятельно, критически ко всему, с чем придется ему встретиться в жизни, – ко всякому слову и делу, представляющему религиозный интерес, <...> будет лучшим оплотом для него в жизни против всякого рода лжи и заблуждений» [15, с. 42-43]. Несогласие В.Г. Рождественского вызывала позиция коллег по университету в случае, если она прямо противоречила политике власти в отношении высшей школы. Так, в том же 1905 г. он при обсуждении в Совете вопроса об университетской автономии выступил с особым мнением, в котором указал, что право свободы собраний можно давать только зрелым людям. Большинство учащихся он к таковым не относил [16, с. 111]. В период волнений, начавшихся после смерти Л.Н. Толстого, он, несмотря на просьбы коллег, отказался отслужить панихиду по писателю [17, л. 20]. Таким образом, противоречия между В.Г. Рождественским и профессорской корпорацией носили редкий и скорее формальный характер и объяснялись его добросовестным исполнением обязанностей священнослужителя.

Последний профессор богословия к тому моменту уже Петроградского университета, А.В. Смирнов, до 1912 г. занимал аналогичную кафедру в Казанском университете. Интересно, что он был уволен оттуда за свои либеральные взгляды [1, с. 82]. В своих сочинениях он подвергал сомнению ряд распространенных среди православных богословов 2-й половины XIX в. мнений, в частности, о том, что первоначальной формой религии было поклонение единому богу, впоследствии деградировавшее в язычество. Также он выступал за развитие религиоведения и осуждал препятствовавшую этому нетерпимость к нехристианским религиям у своих коллег [18, с. 185-186]. В период службы в Санкт-Петербурге он являлся депутатом IV Государственной думы. Несмотря на репутацию либерала, в своих речах он так же старался изобличить материализм, как и его коллеги. Его слова наполнены пафосом развенчания иллюзий о безграничных возможностях науки: «Громадные успехи, достигнутые научным знанием в настоящем столетии, пробудили в обществе преувеличенную веру во всемогущую силу человеческого разума и положительного научного знания» [19, с. 4-5].

Человек может начать «тяготиться опекой веры», искать альтернативу, в том числе и в науке, но все равно будет стараться уйти от «холодного и приносящего к земле мирозерцания», и его душа станет требовать «возвращения ей попорченных прав на общение с небом и горним миром» [19, с. 4, 6]. По его убеждению, беспрекословная вера в авторитет науки уже окончательно поколеблена. Признавая важность научных достижений, он одновременно мог выступать с откровенно луддитских позиций: «Все технические приспособления в области промышленности, заменяющие человеческий труд машинным, прямо можно сказать отнимают хлеб у рабочего люда, для которого все труднее и труднее становится изыскивать средства к обеспечению себя и семьи» [19, с. 11]. Служение исключительно науке при одновременном пренебрежении к вере «есть страшная и самая печальная односторонность, заставляющая человека нести тяжелое бремя жизни подобно рабу, бессмысленно исполняющему волю господина и не понимающему значения и цели своего труда» [19, с. 15]. В результате наука может спастись от банкротства исключительно благодаря вере [20, с. 2].

Насколько транслировавшиеся преподавателями богословия идеи воспринимались профессорской корпорацией и студенчеством – вопрос, на который вряд ли можно получить однозначный ответ в силу неопределенности и условности критериев оценки веры человека. Нам представляется, что до подавляющего большинства как студенчества, так и преподавателей они вряд ли доходили. Доктор Е.П. Радин, осуществивший в 1912 г. с применением анкетирования социологическое исследование душевного настроения петербургской учащейся молодежи, не отнес религию к важнейшим составляющим духовного мира студентов. Он лишь ограничился публикацией нескольких откровений юношей, в которых они говорят о важности веры как таковой, ее способности побеждать чувство разочарованности [21, с. 75-77]. На примере Юрьевского университета вопрос веры был исследован М. Бенасиком, опубликовавшим результаты анкетирования в 1907 г. Полученные данные свидетельствуют о том, что среди православных 54,5% не признавало своей религии, признавало с поправками – 28,7%, признавало вполне только 10,01%. 33,2% отрицали бытие бога, а 33,3% – признавали [22, с. 116-117]. Доминировавшими являлись мировоззрения «с большей или меньшей примесью атеизма» [22, с. 118]. Вероятно, схожая картина была и в среде петербургского студенчества, традиционно отличавшегося своей политической активностью и революционностью. Даже если существенная часть из них могла назвать себя верующими, их не могло удовлетворить беспрекословное следование канонам официальной церкви.

Отношение профессорской корпорации к религии и церкви не отличалось подобным радикализмом. Преподавание богословия и традиционные молебны были рутинизированной традицией, привычным наполнением университетского пространства. Церковная жизнь университета не погружала в себя, а вол-

новала скорее в контексте университетских сплетен или политических событий. При этом либеральные взгляды не мешали относиться к профессорам в рясах как к коллегам. Церковь как символ «старого доброго» мира и университета как башни из слоновой кости появляется спустя некоторое время после Октября 1917 г., в момент осознания серьезности и силы новой власти. Репрессии в отношении РПЦ, равно как и высшей школы, виделись органичной частью расправы над наследием прошлого. Отказ от религии и национальности в пользу космополитических идеалов, совершенный русской интеллигенцией в пореформенный период, стал пониматься причиной торжества большевизма [23, л. 15 об.]. Супруга профессора университета, знаменитого историка С.Ф. Платонова 24 июля 1918 г. фиксировала в дневнике дошедшую до нее информацию о том, что «в этом году на пасхальной заутрене в унив[ерситет]ской церкви были и [И.М.] Гревс, и [М.И.] Ростовцев с женой, – чего раньше никогда не было; конечно, это тоже знаменательно» [23, л. 64].

Одновременно нельзя не сказать о некоторых членах преподавательской корпорации, для которых церковное служение всегда было важнейшей частью их существования. Речь, например, идет о старосте университетской церкви египтологе Б.А. Тураеве и канонизированном в 1992 г. новомученике, председателе Общества объединенных петроградских приходов юристе Ю.П. Новицком. Для них после Февральской революции стало намного более важным участвовать в реформировании всей церкви, а не следить за ее судьбой в родном университете.¹ Всплеск внимания к университетской церкви был связан с началом репрессивной деятельности большевиков, проявившейся как в отмене преподавания религиозных вероучений, так и закрытии храмов. Б.А. Тураев, Э.Д. Гримм, В.М. Шимкевич и ряд других преподавателей предприняли все усилия,

чтобы отложить закрытие университетской церкви, а впоследствии посещали домовую Всесвятскую церковь, устроенную в снятой Оптическим институтом квартире [24, с. 124]. Впоследствии ряд преподавателей, такие как С.А. Алексеев (Аскольдов), Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, И.М. Гревс, М.Д. Приселков и Б.А. Тураев стали членами Братства св. Софии, на заседаниях которого рассматривались различные актуальные вопросы существования церкви и проводились дискуссии по вопросам веры [25, с. 204–213]. Часть из них стала работать в созданном преподавателями закрытой Петроградской духовной академии в 1920 г. Петроградском православном богословском институте [26, с. 35–36].

Подводя итоги, отметим, что, как показывает наш обзор, в истории преподавания богословия в Петербургском / Петроградском университете можно выделить два периода. Если для дореформенной эпохи было характерно доминирование в лекциях и речах охранительного начала, то затем произошла переориентация на просветительское. Верноподданнические речи преподавателей богословия не отличались от официальных слов либеральных профессоров. По подавляющему большинству вопросов университетские профессора богословия демонстрировали согласие с университетской корпорацией, далеко не всегда безапелляционно принимавшей решения правительства. Со временем университетское богословие, вольно или нет, стало обращаться к идеалам, на которые ориентировалась вся университетская профессура – сакрализацию научного знания, работающего на «общее благо», и образ интеллигента, посвящавшего жизнь труду «на ниве народного просвещения». Иными словами, дискурсы, транслировавшиеся в проповедях и лекциях с университетской кафедры, были частью той борьбы за культуру, которую вела университетская корпорация в дореволюционный период.

Примечания

¹ Так, занятый в заседаниях Поместного Собора Тураев о делах в университетской церкви узнавал из писем диакона церкви К. Травина [24, с. 119–120].

Литература и источники

1. Тихонов И.Л., Бильвина О.А. Кафедра богословия Императорского Санкт-Петербургского университета // Храм духа в храме науки: Материалы юбилейной конференции, посв. 170-летию университетского храма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 57–90.
2. Павский Г.П. Религия и политика: Из университетских уроков // Христианское чтение. 1821. Ч. 4. С. 81–84.
3. Павский Г.П. Религия: Из университетских уроков // Христианское чтение. 1821. Ч. 1. С. 43–56.
4. Бажанов В.Б. Поучительные слова и речи. СПб.: Военная типография, 1837. 275 с.
5. Райковский А.И. Христианское православное догматическое богословие [Лекции, читанные в СПб ун-те в 1846 и 1847 гг.]. [СПб.: Б.и.], 1847. 96 с.
6. Янышев И.Л. Слова и речи на дни праздничные и воскресные, на дни высокоторжественные, на великий пяток, по усопшим, на разные случаи. Пг.: О-во взаимопомощи бывш. питомцев Имп. Петрогр. духов. акад., 1916. 372 с.
7. Полисадов В.П. Очерк уроков по кафедре православного богословия, читанных в С.-Петербургском университете в 1863/4 академическом году, составленный студентами. [СПб.: Б.и.], 1864. 192 с.
8. Рождественский В.Г. Речь профессора богословия к студентам // Православное обозрение. 1879. Т. III. Сентябрь. С. 196–198.
9. Рождественский В.Г. Задачи высшего образования. Речь, сказанная на молебне перед началом учения // Церковный вестник. 1902. № 37. Стлб. 1158–1159.
10. Сергиевский Н.А. Речь пред началом академического года в университете // Православное обозрение. 1862. Т. 9. Сентябрь. С. 76–80.

11. Сергиевский Н.А. Речь пред началом академического года в Московском университете 16 августа 1864 года // Православное обозрение. 1864. Т. 14. С. 265–286.
12. Сергиевский Н.А. Слово пред началом учения в Московском университете 16 августа 1867 года // Православное обозрение. 1867. Т. 23. С. 445–450.
13. Рождественский В.Г. Наука и вера (Речь, сказанная в церкви С.-Петербургского университета по случаю годовичного университетского акта 8 февр. 1875 г.) // Церковный вестник. 1875. № 7. С. 3–4.
14. Рождественский В.Г. Христос перед судом мира. Слово в Великий пяток, сказанное в университетской церкви за вечернею. 7 апр. 1900 г. // Церковный вестник. 1901. № 13. Стлб. 401–406.
15. Рождественский В.Г. Записка заслуженного Профессора богословия Императорского С.-Петербургского Университета, Протоиерея Василия Рождественского о желательной постановке преподавания богословия в университете // Проект главных положений устава университета, выработанный Советом Императорского СПб. университета. СПб.: Сенатская типография, 1905. С. 39–43.
16. Сидорчук И.В., Мосенц М.С. Преподавание богословия в высшей школе: профессор В.Г. Рождественский и Петербургский университет начала XX в. // Семнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Сост. О.В. Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2019. С. 106–111.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168.
18. Шахнович М.М. Изучение религии в России в конце XIX – первой четверти XX века: от феноменологического описания к критическому исследованию // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 1. С. 171–195.
19. Смирнов А.В. Вступительная лекция по богословию в Императорском Казанском университете. Казань: Типография императорского университета, 1896. 19 с.
20. Смирнов А.В. Границы знания. Слово, произнесенное в церкви Казанского ун-та в годовичный праздник в церкви Казанского ун-та в годовичный праздник (5 ноября). Казань: Типография императорского университета, 1899. 8 с.
21. Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб.: Издание Н.П. Карбасникова, 1913. 118 с.
22. Бенадик М. Студенчество в цифрах по данным 1907 года в Юрьеве / Под ред. В.В. Святловского. Юрьев: Общество Юрьевских студентов, 1909. 136 с.
23. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 5694.
24. Бутякова Т.А., Вербовский М.Н. Борис Александрович Тураев – служение науке и церкви // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 101–138.
25. Воронцов А.В. Братство св. Софии в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. Вып. 28–29. С. 204–213.
26. Коняев Н. «Святой профессор». Книга о мученике Юрии Петровиче Новицком. М.: Издательство «Русь», 2008. 210 с.

References

1. Tihonov I.L., Bil'vina O.A. "Kafedra bogoslovija Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta", in Hram duha v hrame nauki: Materialy jubilejnoj konferencii, posv. 170-letiju universitetskogo hrama ["Department of theology of the Imperial St. Petersburg University", in Temple of the spirit in the temple of science: Materials of the jubilee conference dedicated to the 170th anniversary of the University temple], 2009, pp. 57–90. St. Petersburg: lzd-vo SPbGU.
2. Pavskij G.P. Religija i politika: Iz universitetskikh urokov [Religion and politics: from University lessons]. Hristianskoe chtenie, 1821, no. 7, pp. 81–84.
3. Pavskij G.P. Religija: Iz universitetskikh urokov [Religion and politics: from University lessons]. Hristianskoe chtenie, 1821, no. 1, pp. 43–56.
4. Bazhanov V.B. Pouchitel'nye slova i rechi [Edifying sayings and speeches]. St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1837. 275 p.
5. Rajkovskij A.I. Hristianskoe pravoslavnoe dogmatischeskoe bogoslovie [Lectii, chitannye v SPb un-te v 1846 i 1847 gg.] [Christian Orthodox dogmatic theology [Lectures given at St. Petersburg University in 1846 and 1847]. [St. Petersburg], 1847. 96 p.
6. Janyshev I.L. Slova i rechi na dni prazdnichnye i voskresnye, na dni vysokotorzhestvennye, na velikij pjatok, po usopshim, na raznye sluchai [Sayings and speeches on the days of holiday and a Sunday, on very solemn days on the good Friday, for the dead, on different occasions]. Petrograd: Obschestvo vzaimopomoshhi byvsih pitomcev Imp. Petrogr. duhovnoi akademii, 1916. 372 p.
7. Polisadov V.P. Ocherk urokov po kafedre pravoslavnogo bogoslovija, chitannyh v S.-Peterburgskom universitete v 1863/4 akademicheskom godu, sostavlenyj studentami [Essay on the lessons of the Department of Orthodox theology, read at St. Petersburg University in 1863/4 academic year, compiled by students]. [St. Petersburg], 1864. 192 p.
8. Rozhdestvenskij V.G. Rech' pred nachalom bogoslovija k studentam [Speech of Professor of theology to students]. Pravoslavnoe obozrenie, 1879, vol. III, September, pp. 196–198.
9. Rozhdestvenskij V.G. Zadachi vysshego obrazovaniya. Rech', skazannaja na molebne pered nachalom uchenija [Problems of higher education. Speech given at the prayer before the beginning of the teaching]. Cerkovnyj vestnik, 1902, no. 37. st. 1158–1159.
10. Sergievskij N.A. Rech' pred nachalom akademicheskogo goda v universitete [Speech before the beginning of the academic year at the University]. Pravoslavnoe obozrenie, 1862, vol. 9, September, pp. 76–80.
11. Sergievskij N.A. Rech' pred nachalom akademicheskogo goda v Moskovskom universitete 16 avgusta 1864 goda [Speech before the beginning of the academic year at Moscow University on August 16, 1864]. Pravoslavnoe obozrenie, 1864, vol. 14, pp. 265–286.
12. Sergievskij N.A. Slovo pred nachalom uchenija v Moskovskom universitete 16 avgusta 1867 goda [Speech before teaching at the University of Moscow 16 Aug 1867]. Pravoslavnoe obozrenie, 1867, vol. 23, pp. 445–450.
13. Rozhdestvenskij V.G. Nauka i vera (Rech', skazannaja v cerkvi S.-Peterburgskogo universiteta po sluchaju godichnogo universitetskogo akta 8 fevr. 1875 g.) [Science and faith (Speech given in the Church of St. Petersburg University on the occasion of the annual University act 8 Feb. 1875)]. Cerkovnyj vestnik, 1875, no. 7, pp. 3–4.
14. Rozhdestvenskij V.G. Hristos pered sudom mira. Slovo v Velikij pjatok, skazannoe v universitetskoj cerkvi za vecherneju. 7 apr. 1900 g. [Christ before the judgment of the world. The word in the Great heel, said in the University Church for Vespers. 7 Apr. 1900]. Cerkovnyj vestnik, 1901, no. 13, st. 401–406.
15. Rozhdestvenskij V.G. "Zapiska zaslužennogo Professora bogoslovija Imperatorskogo S.-Peterburgskogo Universiteta, Protoiерея Vasilija Rozhdestvenskogo o zhelatel'noj postanovke prepodavaniya bogoslovija v universitete", in Proekt glavnyh polozhenij ustava universiteta, vyrabotannij Sovetom Imperatorskogo SPb. universiteta ["Note of Professor Emeritus of theology of Saint-Petersburg

Imperial University, Archpriest Vasily Rozhdestvensky desirable statement of teaching theology at the University”, in Project the main provisions of the Charter of the University made by the Council of the Imperial St. Petersburg. University’s], pp. 39–43. St. Petersburg: Senatskaja tipografija, 1905.

16. Sidorchuk I.V., Mosents M.S. “Prepodavanie bogoslovija v vysshej shkole: professor V.G. Rozhdestvenskij i Peterburgskij universitet nachala XX v.”, in Semnadcatyj Slavjanskij nauchnyj sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura». Mir slavjanskij pis'mennosti i kul'tury v pravoslavii, sociogumanitarnom poznanii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [“Teaching theology in higher school: Professor Vasily Rozhdestvensky and St. Petersburg University of the early XX century”, in Seventeenth Slavic research Council “Ural. Orthodoxy. Culture» The world of Slavic writing and culture in Orthodoxy, socio-humanitarian cognition: proceedings of the international scientific and practical conference], pp. 106–111. Cheljabinsk: ChGIK, 2019.

17. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. F. 733. Op. 201. D. 168.

18. Shahnovich M.M. “Izuchenie religii v Rossii v konce XIX – pervoj chetverti XX veka: ot fenomenologicheskogo opisanija k kriticheskomu issledovaniju” [The Study of Religion in Russia at the End of the 19th and the First Quarter of the 20th century: From Phenomenological Description to Critical Study], Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom, 2018, 36(1), pp. 171–195. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-171-195>

19. Smirnov A.V. Vstupitel'naja lekcija po bogosloviju v Imperatorskom Kazanskom universitete [Introductory lecture on theology at the Imperial Kazan University]. Kazan': Tipografija imperatorskogo universiteta, 1896. 19 p.

20. Smirnov A.V. Granicy znanija. Slovo, proiznesennoe v cerkvi Kazanskogo un-ta v godichnyj prazdnik v cerkvi Kazanskogo un-ta v godichnyj prazdnik (5 nojabrja) [Boundaries of knowledge. The word spoken in the Church of Kazan University in the annual holiday in the Church of Kazan University in the annual holiday (November 5)]. Kazan': Tipografija imperatorskogo universiteta, 1899. 20 p.

21. Radin E.P. Dushevnoe nastoenie sovremennoj uchashhejsja molodezhi po dannym Peterburgskoj obshhestvencheskoj ankety 1912 goda [Spiritual mood of modern students according to the St. Petersburg student questionnaire of 1912]. St. Petersburg: Izdanie N.P. Karbasnikova, 1913. 21 p.

22. Benasik M. Studenchestvo v cifrah po dannym 1907 goda v Jur'evе [Students in numbers according 1907 in St. George] / Pod red. V.V. Svjatlovskogo. Jur'ev: Obshhestvo Jur'evskih studentov, 1909. 22 p.

23. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki [Department of manuscripts of the National library of Russia]. F. 585. Op. 1. D. 5694.

24. Butjakova, T.A., Verbovskij, M.N. “Boris Aleksandrovich Turaev – sluzhenie nauke i cerkvi” [Boris Aleksandrovich Turaev – service to science and church], Hristianskoe chtenie, 2014, no. 2-3, pp. 101–138.

25. Voroncov A.V. “Bratstvo sv. Sofii v Petrograde” [Brotherhood of St. Sophia in Petrograd], Sankt-Peterburgskie eparhial'nye vedomosti, 2003, no. 28–29, pp. 204–213.

26. Konjaev N. (2008) «Svjatoj professor». Kniga o muchenike Jurii Petroviche Novickom [“Holy Professor”. Book on Martyr Yury Petrovich Novitsky]. Moscow: Izdatel'stvo «Rus'», 2008. 210 p.